

УДК 821.161.1-1“19”:398.332.418

**МОТИВ ПОСЛЕДНИХ СРОКОВ В РАБОТАХ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ
РУБЕЖА XIX – XX ВЕКОВ И В «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ» АННЫ
АХМАТОВОЙ**

Е. В. Меркель, Л. А. Яковлева

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального
университета им. М. К. Аммосова
кафедра русской филологии

Статья посвящена осмыслению экзистенциальных причин «русского апокалипсиса», представленных в работах христианских философов Серебряного века и в зрелом творчестве Анны Ахматовой, в частности, в ее «Поэме без героя» (1940–1965). Доказывается, что и философские и художественные рецепции имеют одни и те же богословские источники, что приводит к появлению инвариантных эсхатологических мотивов, по-разному воплощаемых в философском и художественном контексте.

Ключевые слова: *эсхатологические мотивы, «малый апокалипсис», синоптические евангелия, последние сроки, последние времена, библейские источники, претекст, контекст*

У русских мыслителей (особенно духовного толка) тема эсхатологии всегда была одной из заветных. В последней трети XIX века интерес к ней возрастает. Так, одним из центральных философов-«апокалиптиков» своего времени был Константин Леонтьев, который, будучи мыслителем религиозно-консервативного направления, рассматривал историю, в том числе и «последние времена», с православных, святоотеческих позиций. Однако вопрос об апокалипсисе (преломленный через призму российской истории) во всей остроте встал к началу нового столетия. Символично, что именно в первый год XX века появляется работа, которой суждено стать одной из ключевых в осмыслении «русского апокалипсиса» в отечественной философии и историософии. Речь идет о знаменитых «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» с включением краткой «Повести об антихристе» (1900) Владимира Соловьева. Этот труд стал откликом на возрастающие предкатастрофические настроения в обществе и во многом определил пути развития русской художественно-философской апокалиптики.

Данное литературно-философское произведение было написано в жанре «апологетических и полемических диалогов», как отмечал сам Соловьев [6]. «“Три разговора” являют собой непревзойденный синтез художественной литературы, христианской публицистики и философии» [7, с. 383] и являются попыткой заглянуть в будущее России, Европы, всей цивилизации, ответить на ряд «проклятых вопросов», данных через призму русского мироощущения рубежа веков. То, что открывается Соловьеву, с одной стороны, несет светлое преображение и единение во Христе: «В пророческом предвидении философа возрождается чудо Пятидесятницы. Огненные языки не разделяют народы, а объединяют их. Христианство Петрово, Иоанново и Павлово объединяются в

общем исповедании» [8, с. 351]. С другой же, это мучительное предчувствие, по словам самого Соловьева, «развязки нашего исторического процесса, состоящую в явлении, прославлении и крушении антихриста» [6].

О предвестиях этого времени, его исторических корнях философ много размышляет, приходя к выводу о столкновении двух начал: азиатского (панмонголизм) и европейского. «Христианской культуре угрожает панмонголизм, в котором Соловьев в последние годы своей жизни видит реальную опасность. Однако гибель Европы все же связывается им с приходом Антихриста и установлением всемирной империи. То, что в теократической утопии было желаемой целью, идеалом, на самом деле означает приближение конца света» [3, с. 41].

С точки зрения апокалиптики, центральным местом «Трёх разговоров» является «Повесть об антихристе», посвященная последним временам, предшествующим Страшному суду. Соловьев пытается осмыслить механизмы, используя которые, темные силы захватывают умы людей, власть над миром, а также показывает катастрофическую развязку истории и второе пришествие Христа. Текст выдается за художественно-философское произведение некоего старца, недописанное им, но пересказанное с его слов одним из героев.

В 1903 году выходит в свет работа «Звериное число» [4] Василия Розанова, также посвященная библейской эсхатологии, взятой, в основном, через призму Откровения Иоанна. Вынесенное в заглавие понятие Розанов трактует весьма оригинально: шестой день – день сотворения человека, а значит сакраментальное «666» есть «человеческое число», то есть число человека. Кроме того, Розанов выступает против буквального понимания апокалипсических пророчеств, отмечая: «“Последние судьбы мира” ничего иного не выражают, кроме глубочайших потрясений в сфере этих категорий и, так сказать, перемещения – не “небес” и “земли” в самом деле, но перемещения представлений у самого человека» [4]. Эти и ряд других тезисов работы свидетельствуют о попытке Розанова, впрочем, как и ряда других мыслителей рубежа веков, подойти к теме апокалипсиса с неклассических позиций, логичным продолжением чего становится интерполяция эсхатологических мотивов на почву современности. Тем более что в период гибели монархического государства она этому вполне способствовала: в 1917 – 1918 годах у Розанова появляются, по его собственному жанровому определению, «выпуски» под названием «Апокалипсис нашего времени». Здесь автор также пытается переосмыслить аксиомы богословия, например, называя Откровение «книгой противохристианской», и поясняя: «“Христос”, упоминаемый – хотя немного – в нём, “с мечом, исходящим из уст его” и с ногами “как из камня сардиса и халкедона”, – ничего же не имеет общего с повествуемым в Евангелиях Христом» [5].

Однако, несмотря на некоторые экзегетические опыты, «Апокалипсис нашего времени» всё-таки посвящен злобе дня. Произведение предваряется прологом «К читателю», где автор указывает, что речь пойдет о «событиях, носящих не мнимо апокалипсический характер, но действительно апокалипсический характер» [5]. Тезис о наступлении постхристианских времен дан Розановым в следующей образной формуле: «в европейском (всем, – и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от

былого христианства; и в эти пустоты проваливается всё: троны, классы, сословия, труд, богатства» [5].

В 1904 году завершена «Эсхатологическая мозаика» о. Павла Флоренского, поэма в прозе, где с удивительной точностью показаны эсхатологические (революционные) события, которые скоро захлестнут Россию. Открывается череда бедствий следующим видением: «С запада, со стороны Санкт-Петербурга, ползла туча. Вид ее, как вид дракона. Она ползла на желто-черном брюхе, с зловещим рыком разевала иссиня-черную пасть на облачный город, – на серебряные куполы Иерусалима небесного» [2, с. 134]. Затем Флоренский так же хаотично, как и сама описываемая им эсхатологическая реальность, дает картину общего смятения, насилия, убийств: «Ходили слухи – странные слухи, дикие <...> Говорили, что солдатам даны новые распоряжения – новые, небывалые, что им разрешено обижать жителей всячески и даже вменено им в обязанность <...> что им приказано распространять какую-то новую религию, вводить новый культ» [2, с. 140]. Что это, как не удивительное предчувствие грядущего квазирелигиозного коммунистического учения, становящегося главной скрепой большевистского государства? В целом же поэма, как отмечает сам Флоренский, вызвана «надвигающейся мистической грозой и усилением антихристианских – спиритических и магических – общественных течений» [2, с. 140].

Несомненно, философские разработки русских религиозных философов, их восприятие революции как апокалипсиса повлияли на поэтическое мирозерцание А. А. Ахматовой. Ее «Поэма без героя» буквально пронизана эсхатологическими излучениями. Ахматова пытается понять причины российского Апокалипсиса, который она проецирует на Откровение Иоанна Богослова, малый апокалипсис синоптических евангелий и на суждения упомянутых выше философов, работами которых она живо интересовалась. Апокалиптические мотивы возникают уже в начале поэмы – в 1 главе Части первой («Триптиха»):

...С той, какую была когда-то
В ожерелье черных агатов
До долины Иосафата,
Снова встретиться не хочу... [1, с. 324]

В «примечаниях редактора», которыми Ахматова сопроводила Поэму, она поясняет: «Долина Иосафата» – предполагаемое место Страшного Суда» [1, с. 345]. Мы видим, что автор намеренно актуализирует апокалиптические реалии, прямо вводя их в контекст поэмы. И последующий риторический вопрос: «Не последние ль близки сроки? [1, 324] звучит как прямая отсылка к синоптическим евангелиям, и к Откровению Иоанна Богослова, и к философским трудам русских религиозных мыслителей начала XX века, о которых речь шла выше.

Дело в том, что все эти претексты содержат один и тот же архетипический мотив, а именно мотив «конца времен». Но, конечно, этот эсхатологический мотив воплощается в разных семиотических кодах: в христианских контекстах – в символическом языке притчи, в философских трудах – в категориальных понятиях, а у Ахматовой – в образных картинах,

впрочем, отсылающих как к первым, так и ко вторым претекстам. Вот почему можно выстроить гомологические соответствия между этими тремя текстовыми комплексами.

Ахматовская поэма в своем сюжетном развертывании содержит ряд символических картин, в которых мы узнаем те же симптомы «последних сроков», которые были обозначены и в «малом апокалипсисе» в синоптических евангелиях, и в Откровении Иоанна, и в «Трех разговорах» В. Соловьева. Так, сразу за вопросом, «не последние ли близки сроки» [5], возникает мотив лжепророков, характерный, как мы помним из синоптических евангелий для конца времен: «Я забыла ваши уроки, // Краснобаи и лжепророки! – // Но меня не забыли вы» [1, с. 324].

Сравним с евангельскими цитатами. В «Евангелии от Луки» читаем: «Он сказал: берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение, ибо многие придут под именем Моим, говоря, что это Я; и это время близко: не ходите вслед их» [Лк, 21: 8].

Важный критерий распознавания лжепророков содержится в евангелии от Матфея: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» [Мтф, 7: 15–16]. Таким образом, распознать лжепророков, согласно евангелисту Матфею, можно по их делам, не соблазняясь их «псевдосвятыми» речами: «Итак по плодам их узнаете их. <...> отойдите от Меня, делающие беззаконие» [Мтф, 7: 20; 23].

Появление лжепророков связано еще с одной приметой наступления последних сроков: приходом Антихриста. Не случайно в тексте 1-й главы возникает мотив привода Владыки Мрака под видом ряженого в дом к героине: «Хвост запрягал под фалды фрака... // Как он хром и изящен... Однако // Я надеюсь, Владыку Мрака // Вы не смели сюда ввести» [1, с. 324]. Ахматова мастерски пользуется поэтикой подтекста, соединяя мотив коллективной греховности с грядущей гибелью: «В черном небе звезды не видно, // Гибель где-то здесь, очевидно, // Но беспечна, пряна, бесстыдна // Маскарадная болтовня...» [1, с. 326] Чернота и отсутствие звезды здесь явно противопоставлены небу накануне Рождества Христова, осиянному рождественской звездой. Преапокалиптическое небо должно быть, по Ахматовой, именно таким.

В 24 главе Евангелия от Матфея есть эпизод, где Христос среди примет, предшествующих наступлению конца света и своему Второму Пришествию, говорит о том, что «соблазняются многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут и прельстят многих. И по причине умножения беззакония во многих охладет любовь» [Мтф, 24: 10–12]. Не случайно далее Ахматова дает третью приметку «последних сроков» – в ряде зарисовок, напоминающих то ли «Вальпургиеву ночь» Гете, то ли «Вакханалию» Рубенса. Страшно то, что «творят беззаконие» и предаются греховным соблазнам даже те, в культурной традиции был эталоном благородства и святости:

Санчо Пансы и Дон-Кихоты
И увы, содомские Лоты
Смертоносный пробуют сок.

Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены,
И безумья близится срок.
И опять из фонтанного грота,
Где любовная стонет дремота,
Через призрачные ворота
И мохнатый, и рыжий кто-то
Козлоногую приволок [1, с. 327].

Не случайно и конфликт, и сюжет Части первой связаны с трагедией несчастной любви, приведшей к гибели героя (любви, не нашедшей отклика в холодном сердце возлюбленной, олицетворяющей великолепную, театральную эпоху, но вместе с тем «пряную, бесстыдную», «умножающую беззаконие»).

Вместе с тем, в Части второй мы находим и другую апокалиптическую примету, связанную уже не с «охлаждением любви», а с ненавистью и предательством (о которых говорил в Нагорной проповеди Спаситель): «Враг пытал: "А ну, Расскажи-ка, // Но ни слова, ни стона, ни крика // Не услышать ее врагу» [1, с. 337].

И наконец, последнее. Спаситель в своей «эсхатологической речи» (в евангелии от Матфея), а вслед за ним и христианские философы указывают еще на две взаимосвязанные приметы грядущего Апокалипсиса, это война и сопутствующие ей разрушения: «Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» [Мтф, 24: 2]. И далее Христос пророчествует: «Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте...» [Мтф, 24: 15].

Во второй части поэме Ахматовой, в «Решке», мы видим, как эсхатологические приметы начинают сбываться: апокалиптические сроки даны уже не в модальности будущего времени, а в настоящем. Мы видим здесь и предсказанную в Евангелии «мерзость запустения» – в эпитафии к Части третьей (к «Эпилогу»): «Быть пусту месту сему»; и непоправимые разрушения блокадного Ленинграда, которые Ахматова воспринимала исключительно в апокалиптических тонах: «...А не ставший моей могилой, // Ты, крамольный, опальный, милый, // Побледнел, помертвел, затих. // <...> // И стоит мой Город "зашитый"... // Тяжелы надгробные плиты // На бессонных очах твоих» [1, с. 343].

Надо сказать, что в финале поэмы многие апокалиптические подтексты выходят на смысловую поверхность, проецируясь, в частности, на Откровение (ср.: «Имя сей звезде "полынь". И многие из людей умерли» [Откр, 8: 10] и Ср.:

Но земля под ногой гудела,
И такая звезда глядела
В мой, еще не брошенный дом,
И ждала условного звука... [1, с. 342]

А также и на 24 главу Евангелия от Матфея, где говорится о том, что «когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, – читающий да разумеет, – тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из

дома своего» [Мтф, 24: 15–17].

В целом Ахматова раскрывает закономерности священной и современной истории в их глубочайшей взаимосвязи, но эти закономерности она усматривает не в плоскости политических событий или идеологических концепций, а в регистре религиозной морали, связанной с идеей покаяния. Может быть, ее поэма и была своего рода покаянием? Но главное она поняла, что если апокалипсис может быть приближен посредством ослабления любви и веры, то он может быть и отдален. Наше прошлое неразрывно связано с настоящим и будущим. Отсюда ее знаменитая диалектическая формула времени: «Как в прошедшем грядущее зреет, // Так в грядущем прошлое тлеет – // Страшный праздник мертвой листвы» [1, с. 324].

Список литературы:

1. Ахматова, А. А. Сочинения [Текст] : в 2 т. / А. А. Ахматова ; сост. и примеч. М. М. Кралина. – М. : Изд-во «Правда», 1990. – Т. 1. – 448 с.
2. Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка [Текст] ; составление, подготовка текста и комментарии Е. В. Ивановой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 704 с.
3. Писарчик, Т. П. Эсхатологическая идея в русской философии истории XX века [Текст] / Т. П. Писарчик // Вестник ОГУ. Приложение: Гуманитарные науки. – 2005. – № 4. – С. 40–46.
4. Розанов, В. В. Звериное число [Электронный ресурс] / В. В. Розанов. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/rozan/02.php. – Дата обращения: 05.11.2013. – Загл. с экрана.
5. Розанов, В. В. Апокалипсис нашего времени [Электронный ресурс] // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». – Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>. – Дата обращения: 05.11.2013. – Загл. с экрана.
6. Соловьев, В. С. Сочинения [Электронный ресурс] : в 2 т. / В. С. Соловьев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/trirazgov/>. – Дата обращения: 05.11.2013. – Загл. с экрана.
7. Степанов, А. Н. «Три разговора» Вл. Соловьёва: вопросы публикации, жанрового своеобразия и композиционной целостности [Текст] / А. Н. Степанов // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьёва : мат. Междунар. конф. 14–15 февраля 2003 г. Серия «Symposium». Вып. 32. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 378–383.
8. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни [Текст] / Е. Н. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1994. – 432 с.

**THE THEME OF «THE LAST TERMS» IN THE WORKS OF THE
RUSSIAN PHILOSOPHERS OF THE TURN OF XIX – XX CENTURIES
AND IN «THE POEM WITHOUT A HERO» BY A. A. AKHMATOVA**

E. V. Merkel, L. A. Yakovleva

Technology Institute (branch) of M. Ammosov North-Eastern Federal University
The department of Russian philology

The article is devoted to understanding of the existential reasons of «Russian Apocalypse», presented in the works of Christian philosophers of the Silver age and in mature work of Anna Akhmatova, in particular, in «The Poem without a hero» (1940 – 1965). The article proves the fact that both the philosophical and artistic receptions have the same theological sources and it leads to the appearance of invariant eschatological motifs which are differently embodied in the philosophical and artistic context.

Key words: *eschatological motifs, «minor Apocalypse», the synoptic gospels, the last time, the last times, biblical sources, pretext, context*

Об авторах:

МЕРКЕЛЬ Елена Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской филологии Технического института (филиал) «Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова» в г. Нерюнгри (678962, Республика Саха (Якутия) г. Нерюнгри, ул. Кравченко, д. 16), e-mail: merkel-e@yandex.ru

ЯКОВЛЕВА Любовь Анатольевна – старший преподаватель кафедры русской филологии Технического института (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри (678962, Республика Саха (Якутия) г. Нерюнгри, ул. Кравченко, д. 16), e-mail: yakovlyubov@rambler.ru